

После окончания интервью Лэй Тин отвёл его в сторону, чтобы пройтись по нескольким оставшимся пунктам расписания: продвижение фильма, реклама нового сериала, а остальное — по мелочи.

— Загляни на днях как следует в эти сценарии, если всё сложить, времени у нас впереди почти не останется, — глядя в лист с расписанием, даже не поднимая головы, сказал Лэй Тин.

— Не прошло и нескольких дней отдыха, как снова приходится носиться по делам. Разве я похож на нормального владельца студии? Сплошное унижение, — поиронизировал Гу Яо.

— Как в твоём возрасте можно спокойно думать об отдыхе? Солнце в восемь-девять часов утра как раз сияет во всю мочь, пора бы и поднатужиться, молодой человек, вперёд к свершениям! Посмотри на остальных в нашей сфере — все изо всех сил рвутся вперёд, и только ты целыми днями халтуришь, — ответил Лэй Тин.

— Моя мечта — побыстрее выйти на пенсию и больше не сниматься в кино.

— Мечта — это всё равно что морковка, подвешенная перед мордой ослика, крутящего жернов, она и заставляет тебя усердно работать, — произнёс Лэй Тин. — Кстати, тут на меня вышел один бренд, хотят предложить тебе стать амбассадором их продукции.

— Разве подобные вопросы ты не решаешь напрямую? К чему мне об этом рассказывать, только зря время терять. Или что, деловая хватка генерального директора Лэя ослабла? — поддразнил Гу Яо.

— Я бы и сам рад, но они предлагают слишком много, — делая вид, что вздыхает, сказал Лэй Тин.

— О? До того щедрые? Сколько ни предлагай, всё равно не соглашусь. Неужели мне так важны эти гроши? — сказал Гу Яо.

— Это не гроши, тут целый арбуз, — Лэй Тин откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди, потёр подбородок и с важным видом произнёс: — Я прикинул: если подписать контракт, в следующем году ты сможешь временно выйти на пенсию.

— И сколько же предлагают? Раз уж даже нашего повидавшего виды директора Лэя это заставило сомневаться.

— Гонорар за три твоих фильма, — ответил Лэй Тин.

— Что за бренд такой безумный? Сейчас все сферы еле дышат, а они способны так швыряться деньгами. Хотя моя рыночная стоимость и высока, но вряд ли настолько.

Гу Яо уже начал проявлять любопытство.

— Helios.Y. Ты, возможно, о нём не слышал. Они занимаются умными роботами и за рубежом практически монополизировали всю отрасль — абсолютный лидер рынка. У них всегда было представительство в стране, но масштабы довольно скромные.

При звуке этого имени выражение на лице Гу Яо застыло. Он не просто слышал это название — даже это слово придумал он сам.

Тогда, в той крошечной съёмной квартире, они беседовали о будущем, и Шэнь Юй впервые

заговорил об идее создания собственного дела. Пусть это был всего лишь туманный набросок, и они, бедные как церковные мыши, понятия не имели, когда смогут воплотить его в жизнь, Гу Яо обрадовался даже сильнее него. Несколько дней подряд он ломал голову над названием и в конце концов вспомнил греческую мифологию, которую читал в детстве. Ему безумно нравился бог солнца, а по-английски это звучало как Helios.

— О, припоминаю что-то, — сказал Гу Яо. — Отказываюсь. Тем более этот бренд — не соглашусь, даже если предложат миллиард.

Лэй Тин уставился на него и, прежде чем успел хоть что-то вымолвить, тут же услышал в ответ:

— Даже не спрашивай почему. Я сказал, что не буду сниматься в рекламе, и нельзя делать исключение только из-за больших денег. Куда подевались твои принципы?

— Мои принципы могут меняться в зависимости от суммы на счету, — парировал Лэй Тин. — Разве ты не хотел пораньше на пенсию и не мечтал бросить съёмки? И от такого огромного дерева с золотыми монетами ты собираешься отказаться?

— Разве ты сам только что не говорил, что молодым нужно бороться и трудиться? Как ты можешь в своём возрасте спокойно отдыхать? Давай, поднажми, — посмотрев на него, ответил Гу Яо.

Лэй Тин долго сверлил его взглядом, не в силах выдавить из себя ни единого возражения, и в конце концов лишь обречённо вздохнул:

— Ладно, вы у нас начальник, вам и карты в руки. Тогда я передам им ответ: наш учитель Гу — первый поборник принципов в шоу-бизнесе, неподкупный и кристально честный человек. Раз сказал, что не будет рекламировать товар, значит, ни за какие деньги не возьмётся. Вот уж упрямец.

Гу Яо пропустил мимо ушей его наигранные насмешки, натянул тёмные очки и удалился.

Возможно, сказывалось то, что прошлой ночью он плохо выспался, а сегодняшнее интервью отняло слишком много сил, но по дороге домой он почувствовал, как в висках застучало, и со всех сторон навалилась дикая усталость. К счастью, на завтра никаких дел не планировалось, и удастся по-настоящему отдохнуть. Водитель припарковал машину на подземной парковке. Выходя из автомобиля, Гу Яо ничего не надел на лицо — в этом жилом комплексе обычно не стоило опасаться папарацци, ведь огромная плата за обслуживание территории взималась не просто так.

С руки в карманах он не спеша направился к лифту. Сегодня Цици была очень занята, поэтому вопрос с ужином ему пришлось решать самостоятельно, однако после плотного обеда из доставки на работе он вовсе не чувствовал голода.

Его принцип питания был прост: проголодался — поел, а если нет — разговор короткий, возиться с едой ему было лень.

Нажав кнопку вызова лифта вверх, он стал ждать. Лифт как раз поднимался с минус третьего этажа на минус второй, где он находился. Спустя пару секунд двери открылись, и, увидев человека и собаку внутри, Гу Яо подумал, что избыток пищевых добавок в дневном заказе,

видимо, здорово подпортил ему зрение.

С чего бы Шэнь Юю здесь находиться?

Если его глаза не обманывали, то собака на поводке у него — это... Футянь?

Шэнь Юй сегодня во второй половине дня не поехал в офис. Он уже почти закончил с уборкой в новом доме и отправился к Чжао Цзюньи, чтобы забрать Футяня.

Несмотря на три года разлуки, стоило Футяню увидеть его, как его уши мгновенно прижались от радости, хвост закрутился маленьким вихрем, а глаза сузились, растянув пасть в широкой и счастливой улыбке.

В отличие от кошек, которые легко всё забывают, у собак память превосходна. Тех, кто вырастил их с самого малого возраста, они не забывают на протяжении всей своей короткой жизни: сколько бы людей ни встретилось им на пути, человек, с которым они провели детство, всегда останется для них на первом месте.

Заметив за дверями лифта Гу Яо, Футянь замер всего на пару секунд, а когда его внутренний радар окончательно сопоставил образы, испустил тихое повизгивание и бросился вперёд. Он был даже более взволнован, чем при встрече с Шэнь Юем, и рванул с такой силой, что Шэнь Юй едва удержал поводок.

Чтобы не привлекать внимания охраны, Гу Яо пришлось войти в кабину. От этого Футянь пришёл в ещё небывалое волнение. Шэнь Юй отпустил поводок на максимум, позволив собаке свободно перемещаться по всему пространству лифта. Гу Яо опустил взгляд на пса, который поднял две передние лапы и скребся ему в ногу. За три года Футянь стал еще краше: его желтая шерсть выглядела очень здоровой, на всех четырех лапах виднелись белые отметины, а на груди белело небольшое пятнышко. Еще когда он только подобрал его, то сразу понял, что, когда этот щенок вырастет, он станет самым красивым дворнягой.

Футянь не просто скребся в ногу, он то и дело крутился вокруг, а в конце концов остановился перед ним, прижался пушистой головой к его голени и, задрав морду, посмотрел на него снизу вверх. Даже то, как он ластился, ничуть не изменилось. Пес не переставал тихонько скулить, глядя на него влажными, похожими на обсидиан глазами — чистыми, невинными и полными мольбы погладить его.

Гу Яо совершенно не мог оставаться холодным к этому послушному и жалкому виду — в конце концов, он выкормил его из бутылочки, буквально вкладывая в него все свои силы.

Когда щенок был еще крошечным и его только принесли домой, он постоянно скулил от страха темноты. Тогда Гу Яо взял картонную коробку, застелил ее старой одеждой и поставил прямо у своей кровати. В интернете Шэнь Юй изучил способы выкармливания детёнышей и поначалу вставал по несколько раз за ночь — кроха даже не мог удержать соску, приходилось

использовать шприц, так что он в столь юном возрасте сполна познал все трудности родительства.

Когда малыш немного подрос, Шэнь Юй попытался переселить его в гостиную — пора было приучать спать в одиночестве, но Гу Яо был против, всё время приговаривая, что тот ещё мал, а о переселении можно будет подумать, когда подрастёт.

Из-за этого каждый раз, когда они с Гу Яо уединялись, стоило Гу Яо повысить голос, как Футянь решал, что того обижают, скалил крошечные молочные зубки и начинал угрожающе порывивать на Шэнь Юя.

Поэтому в тот период Шэнь Юй каждый раз пользовался Футянем как предлогом: когда Гу Яо уже приближался к пику, он из озорства зажимал ему рот рукой, глуша все звуки в горле. Выходило приглушённое мычание, Гу Яо задыхался, его глаза наливались кровью, а с висков скатывались слёзы, и выглядело это поистине застораживающе.

— Ин-ин, — заметив, что человек перед ним не двигается, Футянь ткнулся носом в руку Гу Яо, призывая поскорее его погладить.

Гу Яо на мгновение опустил взгляд, встречаясь с ним глазами, и наконец поднял руку, пару раз легко почесав малыша по макушке. Его глаза сощурились, а во взгляде пленились нежность и баловство.

<http://bllate.org/book/20926/2118116>